

РИЧАРД УИЛБЕР

*Перевод с английского Андрея Сергеева **

«Ясновидящий» (1976) — шестая книга стихов Ричарда Уилбера, шестая за три с половиной десятилетия творческой работы. Уилбер очень требователен к себе; годами он шлифует не то что отдельное стихотворение — даже фрагмент стихотворения, добиваясь высокой простоты и ясности, которые заметно выделяют этого мастера среди других американских поэтов нашего времени.

Это беспокойное время гармонизировано в стихах Уилбера безукоризненной логикой художественной мысли и выверенностью каждого образа. Однако Уилбера никак не отнести к приверженцам «чистой» поэзии, которой безразличны тревоги и заботы текущей жизни. Его стихи по-своему очень глубоко отразили конфликт поэта с бездуховной американской повседневностью, коллизию «окружающей жизни и творческого сознания», ставшею одной из его тем. В творчестве Уилбера никогда не было попыток «абстрагироваться» от окружающего, отдавшись стихии формального эксперимента или герметизма. Не разделяет он и распространенного в США убеждения, будто тягостная атмосфера современной американской жизни сделала невозможным искусство, которое воплощало бы целостный и многомерный образ природы, мира, человека.

Если для многих поэтов его поколения программным принципом был уход от повседневной действительности в область вечных проблем бытия, Уилбер отважился на встречное движение. И в его стихах много раз возникает мотив преодоления трудностей, которые встают перед поэтом, осознавшим всю сложность — и всю необходимость — своей причастности к будничному миру «одноэтажной» Америки, и отталкивающему, и неизбежно притягивающему его воображение.

Уже в первых книгах определилась его поэтика, которая, по свидетельству самого Уилбера, основывается на «сложных переживаниях, противоборствующих идеях, несочетающихся образах». Законченный образец такой поэтики — стихотворение «Четвертое июля», которое читатель найдет в этой подборке. Четвертого июля отмечается День независимости США (4 июля

* РИЧАРД УИЛБЕР — Стихи (Перевод с английского Андрея Сергеева. Вступление А. Зверева) // *Иностранная литература*, 1979, № 10, 111–116.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

1776 г. Конгресс принял Декларацию независимости), четвертое июля 1863 г. — дата капитуляции Вилксберга, явившейся переломным моментом в Гражданской войне, в итоге которой было ликвидировано рабство негров; а ровно за год до этого, в 1862 году, оксфордский математик Доджсон, известный всему миру под именем Льюиса Кэрролла, рассказал Алисе первую свою сказку о стране чудес. Как будто совершенно случайные совпадения, решительно не согласующиеся ассоциации, но между тем рождается единый образ причудливо движущейся истории, в которой сталкиваются величие человеческих устремлений и драматизм бытия, взрываемого войнами, а мечта испытывается в «проверочном отделении фактов», выходя из этого испытания, может быть, и не такой романтической, как прежде, но укрепленной реальным опытом и получившей новое оправдание и смысл.

Стихи Уилбер стал писать еще студентом, но осознал поэзию как свое призвание только в годы войны. Впоследствии Уилбер скажет, что серьезное творчество невозможно до той поры, пока художник на собственном опыте не убедится в том, насколько велика «угроза Хаоса», скрывающаяся в противоречиях истории и тайниках души самого человека, — «прикоснется к Хаосу», чтобы научиться противостоять ему. Книга, которая принесла Уилберу широкую известность, называлась «Вещи этого мира» (1956). В этом заглавии суть поэтического видения Уилбера и его творческой задачи: воплотить мир в его реальном облике конкретно до осязаемости и с предельной честностью, не поддаваясь ни утешительным иллюзиям, ни отчаянию. Вспоминая встречу с поэтессой Сильвией Плат¹, покончившей с собой, Уилбер назовет ее стихи «прекрасными и несправедливыми» — потому что при всей своей искренности Плат воспринимала мир только как муку и боль, трагически замыкаясь в непроницаемых стенах индивидуального опыта. А Уилбер неизменно стремится шагнуть за «горизонт одного».

Почему «Ясновидящий»? Потому, что художник наделен «шестым чувством», незаменимой способностью «ясновидения» общественных и частных судеб. Порой безмерно тяжела эта ноша «ясновидения», но он не может и не вправе освободиться от нее, пока «шестое чувство» не покинет его и, следовательно, он не перестанет быть поэтом. Он «узурпирован миром» — и для Уилбера здесь не трагедия, а необходимость. Сознание поэта подобно комнате в дешевой гостинице где-то у дороги — тонкие стенки подрагивают от грохота тяжелых составов и грузовиков, и

¹ Стихи Сильвии Плат см. в «ИЛ» № 1, 1974.

точно так же подрагивают «стенки» вечно бессонной души художника, воспринимая «стоны, жалобы и нервный спазм страны».

В лирике Уилбера все время чувствуется этот пульс времени, этот «нервный спазм». Подобно Роберту Фросту, чей творческий склад ему особенно близок, Уилбер ищет за очевидными приметами сегодняшних американских коллизий глубину, даже вечность их духовного содержания. Быть может, это и лишает его поэзию зримой актуальности. Но зато создается дистанция, позволяющая трезво взглянуть на нынешнюю сумятицу побуждений и настроений, не поддаваясь растерянности.

Порою в стихах Уилбера торжествует прозрачность, даже искусная наивность восприятия бытия, вдруг обнаруживающего множество стертых для невнимательного глаза красок и форм. Порой на смену прозрачности приходит ассоциативная сложность и виртуозность: мысль разветвляется, образ наращивает новые и новые слои смысла, вызывая аналогию с искусством барокко.

Неизменной остается тональность — сдержанно драматическая, чуть ироничная и вместе с тем жизнеутверждающая. По своей сути это оптимистическая лирика, для которой неисчерпаема красота жизни, и творческая сила поэзии, и великая мудрость природы: расти, тянуться к свету, залечивать раны — «созреть, растрескаться и устоять». Открыто заявленная в «Черной березе», эта тональность присуща и многим другим стихам, определяющим творческий облик Ричарда Уилбера.

Есть у него стихотворение об этрусских поэтах, умевших находить предельно точные соответствия «мира и духа» и воплощать эти соответствия чеканными строками, которые четки, словно тропа через заснеженное поле. Тропа, которую проложили потому, что она была необходима, не думая о том, растопит ли ее весна и останутся ли зримые следы труда. Так относится к творчеству и сам поэт.

А. ЗВЕРЕВ

Снег в апреле

Бывает, зимы медлят
С уходом, белый тлен
Нас хлещет, землю солит,
Как Карфаген.

Но этот тихий, чистый
Слепящий хоровод
Похож не на прощанье,
А на приход.

Снежинки не сгибают
Ракитник у реки,
Но сеются сквозь сучья,
Как лепестки,

Или, взмывая к небу,
Мешают свет и тень,
Как вяз под ветром в яркий
Июльский день.

Мне кажется, что снегу
Тогда лишь будет край,
Когда поляны кашкой
Покроет май,

Что в воздухе простывшем витает молочай.

Писательница

У себя, на корме дома,
В разбросанном свете ломящихся в окна лип
Моя дочь пишет рассказ.

Я медлю на трапе, слушаю
Сквозь закрытую дверь, как пишущая машинка
Грохочет якорной цепью.

Подросток, а все же ноша
Ее жизни уже тяжелый, опасный груз:
Счастливого ей плавания!

Но теперь медлит она,
Точно спорит с банальным моим пожеланием.
В разрастающейся тишине

Весь дом как будто задумался,
И вновь она раздражается сбивчивым стуком
Машинки, и вновь умолкает.

Помню, шальная синица
Два года назад застряла в ее комнате;
Мы боялись ее напугать,

Прокрались, подняли раму
И сквозь щель в двери отчаянный час следили,
Как яркая, гладкая, дикая

Птица билась о стекла
Закрытых окон и падала, как перчатка,
На пол или на стол,

И, нахоленная, в крови,
Собиралась с силами. Как мы вздохнули,
Когда она вдруг уверенно

Вспорхнула со спинки стула
И вылетела в окно, открытое над порогом вселенной.
Я забываю, милая,

Что это всегда вопрос
Жизни и смерти. Желая тебе того же,
Чего всегда, но сильнее.

Коттедж-стрит, 1953

На фоне пестрой ширмы Эдна Уорд
Приподняла китайский чайник с чаем:
— Вам, знаю, крепкий. Вам — наоборот.
С лимоном? С молоком? — Мы отвечаем.

Мы — испуганная миссис Плат и дочь,
Глядящая в пространство мимо чашки,
Жена и я, обязанный помочь.
Как тянется визит постыдно-тяжкий!

Мой долг — хвалить словесность и печать,
Плести про жизнь поэтов небылицы,
Чтоб Сильвию у края удержать:
Она хотела с жизнью распротиться.

Я как слабак-спасатель на песке,
Волной отброшен и уже не нужен,
Гляжу, как, захлебнувшись вдалеке,
Глядит пловчиха парюю жемчужин.

Велик ее отказ, велик попрек.
А мы твердим любезно и некстати
Слова о жизни в летний фэйф-о-клок,
Который сам замешан на закате.

И Эдна Уорд через пятнадцать лет,
Когда ей будет чуть не девяносто,
На скорбь и слезы наложив запрет,
Подаст нам руку благодатно-просто

И Сильвию переживет — ведь той
Дано всего лет десять кропотливых,
Чтоб научиться и пробить отбой
В стихах прекрасных и несправедливых.

Четвертое июля

1

В тот день оксфордский лексикограф Лиддел
До Годстоу прокатиться по реке
Своим трем дочкам разрешение выдал,
И мистер Доджсон ¹, провожатый, чаю
Им налил в ивняке,
В тени, и сам, по капельке глотая,
Нарассказал того,
Чего ни сам, ни целый свет не видел;
Фантазий золотое естество
Привычку слов и чисел отвергало,
А Темза лишь струилась и моргала.

2

От них на запад, в Мемфисе, где зной
Пошибче над рекой куда пошире,
Грант, непреклонный, точно ток речной,
Закрывшись от помощников, дымил
Над картой в штаб-квартире
И Висксберга судьбу определил:
Мятежники в ловушке,
Им через год оплачивать с лихвой
Провал десанта, брошенные пушки,
Им выходить от голода и вшей
К кривому дубу за кольцо траншей ².

¹ Льюис Кэрролл впервые рассказал об Алисе в стране чудес 4 июля 1862 г.

² Крепость Висксберг сдалась генералу Гранту 4 июля 1863 г. Капитуляция была подписана у кривого дуба, который впоследствии растащили по щепочкам на сувениры.

3

Нет, солнце не понятье, но светило.
 Что, если б смесью чайного дымка
 И грантовых сигар его затмило?
 Что мир всегда от хаоса спасало?
 Чье слово нас пока
 Спасает от паденья и развала?
 Ах, весел шелест крон
 Лишь там, где всё, что рощи населило,
 Раздельно и не ведает имен,
 Где плакала в тени Алиса, ибо
 Той тени не могла сказать спасибо.

4

При том отнюдь блаженства не вкусил
 Линней в апоплексическом ударе,
 Когда, теснимый тьмою, упустил
 Сладчайшую латынь земных начал,
 Камней, растений, тварей —
 Он их кустистой мыслью обнимал
 И вдруг забыл названья
 И собственное имя позабыл.
 Итак, хвала тому живому знанью,
 Что, запросто зайдя на огонек,
 Приносит нам веселье и намек...

5

Но слава и Копернику, который,
 Постигнув солнце, шар пустил земной
 Вращаться и, на выводы не скорый,
 Вернулся в мир квадрантов и абстрактов,
 Рискнув войти с мечтой
 В проверочное отделение фактов;
 Америке — виват
 За спячку, пробужденье, бойню, споры
 На целый век, чтоб мы, усвоив взгляд,
 Что негры тоже люди, вдруг вернули
 Смысл сказанному в этот день июля.

Черная береза

Березу по коре узнать не просто,
Так глубоко растрескалась береста,
Так потемнела, что глядит в мороз
Сплошным скоплением пятен и полос.

Не ствол в мечтах рисуется упрямо,
Но мозаичная колонна храма,
И Ара Цели или Латеран
От старости скорбят в снегу полян.

Но не мудри и душу не печаль ты —
Все эти раны, борозды и смальты
Не внутренний упадок старины,
Они извне на ствол привнесены.

Тут каждый год приходит обновенье,
Прирост кольца, обхвата расширение,
Тут все искусство, смысл и благодать —
Созреть, растрескаться и устоять.

5 апреля 1974

В тумане лес, овраг в снегу —
Но что случилось на лугу?
Казалось, больше не мертва
К земле примерзшая трава,
Но как под ветром в летний зной
Гуляет медленной волной.
Что значит эта зыбь земли?
Быть может, мы уже зашли
Так далеко, что сам закон
Природы кем-то отменен?
Потусторонний, как кошмар,
Над лугом извивался пар,
Знакомую смущая глушь.
Восставший из стоячих луж
И льдистой, снежной их каймы.
Он означал конец зимы
И уходивший ввысь мороз —
Так ум, привыкший жить всерьез,
Смущеньем вдруг смягчит черты.
Здесь будут, я сказал, цветы.

Об авторах

РИЧАРД УИЛБЕР (RICHARD WILBUR; род. в 1921 г.). Американский поэт; лауреат многих литературных премий. Президент Американской академии и Национального института искусств и литературы. Переводчик французской и русской поэзии.

В русском переводе стихотворения Р. Уилбера публиковались в «Иностранной литературе» (1966, № 9), в антологии «Современная американская поэзия» (М., 1975).

Предлагаемые стихи взяты из новой книги поэта «Ясновидящий» («*The Mind-Reader*». New York and London, Harcourt Brace Jovanovich, 1976).

СЕРГЕЕВ АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ (род. в 1933 г.). Советский переводчик с английского. В его переводе выходили книги избранных стихотворений Роберта Фроста, Т. С. Элиота, Э. А. Робинсона; в антологиях и журналах печатались подборки стихов Карла Сэндберга, Роберта Грейвза, Дилана Томаса, Алена Гинзберга и других американских, английских, австралийских, африканских поэтов XX века.